

Удивлённый голос раздался сзади, Лю Чжи пробормотал:

— Неудивительно, что столько людей распространяют слухи о брате Цзи, будь я...

Цинь Чжэнь очнулся, обернулся и посмотрел на него:

— Что?

Серо-голубые глаза излучали необъяснимое давление, даже сильнее, чем когда он ругал его за ошибку в контракте. Лю Чжи неловко улыбнулся:

— Будь я на их месте, я бы сразу сообщил тебе, брат Цинь, и поднял бы знамя твоего и сестриного брака...

Голову Лю Чжи наградили лёгким шлепком, он вскрикнул, защищая голову, и побежал, подпрыгивая.

Этот звук привлёк внимание читающего человека, янтарные глаза с лёгким подозрением посмотрели в их сторону, затем снова стали спокойными.

Цинь Чжэнь почувствовал лёгкое сожаление и странное ощущение.

Это ощущение было не плохим, благодаря словам Лю Чжи он впервые смутно и с удивлением подумал: «Брак... оказывается, я женился на таком человеке, красивом, как цветок...»

Рядом с тропинкой росло дерево магнолии, одна из ветвей наклонялась к плечу Цинь Чжэня.

Он опустил взгляд, на ветке распустился крупный цветок, длинные и округлые лепестки трепетали на ветру, выглядели красиво.

Он ткнул пальцем, и белый цветок покачнулся на ветке, источая лёгкий аромат.

Цзи Тинсэнь, закрыв книгу, подошёл и увидел, как Цинь Чжэнь играет с цветком.

Может, слово «мучает» не совсем подходит, скорее, забавляется с ним. Прямой и чёткий нос из-за игры света в самой высокой точке отбрасывал яркую полоску, добавляя немного детскости.

Заметив приближение Цзи Тинсэня, Цинь Чжэнь погладил лепестки цветка пальцем и убрал руку.

В движении, под хорошо скроенной тёмно-синей рубашкой, слегка проступали очертания мускулов, сдержанные и сексуальные, очень привлекательные.

Цзи Тинсэнь подумал, что настроение Цинь Чжэня, должно быть, неплохое.

В большинстве случаев Цинь Чжэнь больше похож на точный и стабильный механизм, редко бывает в таком состоянии, которое можно назвать расслабленным.

Но и неудивительно, ведь сейчас сад был в самом лучшем состоянии.

Они пошли рядом, Цинь Чжэнь спросил:

— Что ты здесь делаешь?

Его черты лица были идеальны, с чёткими контурами, сейчас он слегка наклонил голову, высокие скулы и прямой нос, до чётко очерченного подбородка, всё выглядело безупречно красиво.

Цзи Тинсэнь поднял книгу и улыбнулся:

— Греюсь на солнце.

Это была правда.

Чтение книги было лишь дополнением, ему нравилось ощущение тепла, которое разливалось по телу под лучами солнца, ничто не могло сравниться с этим.

К счастью, его кожа не слишком загорала, иначе на экране он бы выглядел плохо, и Фу Цун бы долго ворчал.

Цинь Чжэнь подумал: «Греться на солнце?»

Очень обыденный ответ, но он не поверил.

Он протянул руку, ладонью вверх:

— Покажи.

Цзи Тинсэнь положил книгу в руку Цинь Чжэня.

Цинь Чжэнь пролистал страницы, всё было на иностранном языке, это была классическая зарубежная литература:

— Понимаешь?

В этих словах не было злобы, но они звучали немного странно, в его душе поднялось непонятное раздражение, он добавил:

— Я помню, в кабинете есть книги с параллельным переводом, если хочешь, найду для тебя.

Цзи Тинсэнь действительно понимал.

Ладно, у оригинала были не самые лучшие оценки, а иностранный язык давно забыт.

Он достал из кармана брюк телефон и показал его Цинь Чжэню:

— С ним всё нормально, но если есть переведённые книги, это, конечно, лучше.

Цинь Чжэнь проследил за движением руки, когда Цзи Тинсэнь убирал телефон, и его взгляд невольно скользнул по его талии.

Очень короткий момент, меньше секунды, но он быстро отвел взгляд.

И всё же вспомнился тот сон, гибкий, как ивовая ветка, белый изгиб, который он грубо согнул до невероятного угла...

Губы слегка сжались, раздражение поднялось.

Он подумал: «Зачем дома носить рубашку, да ещё и заправленную в брюки, словно специально

показывая... это слишком расчетливо!»

Он насильно прогнал образ из головы, больше не смотрел на Цзи Тинсэня и солгал:

— Тебе больше идёт повседневная одежда.

Эти слова были наполовину правдой, последние два слова — чистой правдой.

Цзи Тинсэнь подумал: «...?»

Он подумал, что Цинь Чжэнь странно себя ведёт, но всё же сказал:

— Мне нравится так.

Если бы это был оригинал, он бы, вероятно, воспринял слова Цинь Чжэня как священное писание, но для человека, который долгое время носил свободную одежду из-за медицинских осмотров, аккуратная и подходящая одежда была особенно привлекательной.

Когда здоров, такая одежда кажется ограничением, но когда теряешь здоровье...

Но предпочтения Цинь Чжэня можно понять, люди всегда тянутся к тому, чего им не хватает. Занятые работой люди любят повседневность, это нормально.

Цзи Тинсэнь ответил комплиментом:

— Тебе идёт и повседневная, и деловая одежда.

Очень банальный и немного детский диалог, атмосфера была странной.

Он уже не в первый раз подумал, что было бы лучше, если бы не было брака, с учётом дружбы между семьями Цинь и Цзи, Цинь Чжэнь мог бы быть хорошим другом.

Цинь Чжэнь подумал: «...Тебе всё идёт?»

Эти слова звучали как наваждение, он раздражённо расстегнул верхнюю пуговицу рубашки:

— Тебе всё равно, понял?

Цзи Тинсэнь подумал, что именно в этом сложность их отношений.

Нельзя быть слишком близко, но и слишком далеко тоже.

Он пока не мог сразу разорвать связь, иначе, если бы он снова что-то украл, не было бы даже оправдания.

Но Цинь Чжэнь, защищающийся от него, был похож на взъерошенного кота.

Скрывая улыбку, янтарные глаза выглядели очень серьёзно, он слегка кивнул:

— Понял.

Цинь Чжэнь уловил мелькнувшую в глазах молодого человека улыбку, глубоко вздохнул и подумал: «Понял, как же!»

...

Лю Чжи в гостиной скучал и с нетерпением ждал.

Когда Цзи Тинсэнь и Цинь Чжэнь появились у двери, он сразу подошёл, но, почувствовав лёгкую боль в голове, незаметно перешёл на сторону Цзи Тинсэня:

— Брат Цзи.

Цзи Тинсэнь ответил:

— Почему ты убежал?

Лю Чжи взглянул на Цинь Чжэня, который уже вошёл в гостиную, и потер нос:

— Ничего.

Затем, покрутив глазами, добавил:

— Кухня в старом особняке довольно большая, да...

Его день прошёл в суете, едва утолив голод булкой, он всё же мечтал о горячей еде.

А если бы Цзи Тинсэнь сам приготовил, это было бы вообще замечательно.

Цзи Тинсэнь, конечно, понял, что Лю Чжи явно что-то хочет.

Но он сделал вид, что не понимает, Лю Чжи и Цинь Чжэнь были близки, в старом особняке он чувствовал себя как дома и точно не остался бы голодным.

Цзи Тинсэнь сохранял спокойное выражение лица, Лю Чжи нервничал:

— Брат Цзи, ты всё ещё злишься? Раньше я был дураком, я виноват... дай шанс, ладно? Я хочу... я хочу, чтобы ты приготовил!

Странно, раньше еда Цзи Тинсэня была вкусной, но он не был так одержим.

Но теперь этот человек больше не старался угодить, просто спокойно стоял, и казалось, что всё самое лучшее должно быть поднесено ему, а если бы он ещё и пальцем пошевелил, это бы значило, что его снова приняли.

Боясь, что Цзи Тинсэнь откажет, Лю Чжи крикнул:

— Брат Цинь тоже не ел — брат Цинь, правда?

Цзи Тинсэнь подумал, что твой брат Цинь только что предупредил меня.

Он с улыбкой сказал:

— Сам приготовь — сам поешь. Если сможешь помочь... лапшу с яйцом и помидорами хочешь? Если нет, то...

Лю Чжи перебил:

— Хочу! Хочу! Хочу!

Он побежал за Цзи Тинсэнем на кухню, но затем вернулся:

— Брат Цинь, ты будешь? Лапша с яйцом и помидорами!

Цинь Чжэнь промолчал.

Не успел ответить, Лю Чжи добавил:

— Но сестрица теперь строгая, без помощи не даст, может, я тебе поделюсь?

Цинь Чжэнь подумал, что ты ещё хочешь две порции?

Но Лю Чжи тут же добавил:

— Ах, забыл, ты никогда не любил... хотя она очень вкусная, эх...

Цинь Чжэнь подумал: «...»

Лапша с яйцом и помидорами — ничего особенного, он ел и куриный суп.

Две порции!

Вкус действительно... немного ностальгический.

Совсем чуть-чуть.

...

Закатав рукава, Цзи Тинсэнь дал указания Лю Чжи:

— Помидоры помой, очисти от кожуры, не сдирай грубо, сделай крестообразный надрез на верхушке, обдай кипятком...

Говоря это, он разбивал яйца в миску.

Лю Чжи, весь в поту, превратил два помидора в красную кашу, прежде чем наконец понял, как правильно, и успешно перешёл к этапу очистки помидоров.

<http://bllate.org/book/16159/1447853>